

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Александр
РЫЖОВ

ЖИЗНЬ НА ГРАНИ
ФОЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Рыжов, Александр Сергеевич.
Р93 Жизнь на грани фолла / Александр Рыжов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238312-0

1978 год, Ленинград.

Талантливый хоккеист Алексей Касаткин после провокации на матче получает дисквалификацию и становится жертвой шантажа. Его любимая девушка Юля невольно втянута в эту опасную игру, и Алексей вынужден принимать сложные решения. Их отношения подвергаются серьезным испытаниям, и вскоре он оказывается на грани потери всего, к чему стремился, включая хоккейную карьеру и личное счастье.

В атмосфере предательства и страха Алексей открывает в себе стойкость и мужество, чтобы противостоять врагам, как старым, так и новым. Он понимает, что истинное счастье не в лаврах и медалях, а в возможности быть собой и вернуться к тому, что он любит, — игре, которая всегда была его спасением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238312-0

© Рыжов А.С., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

СТАРТОВАЯ СИРЕНА

Она прозвучала, как всегда, призывно и требовательно. Ее протяжное гудение разнеслось под сводами Дворца спорта, где собралось четыре тысячи зрителей, и матч начался.

На календаре было 22 марта 1978 года, шел тридцать пятый тур Всесоюзного первенства по хоккею с шайбой. Ленинградская команда «Аврора» встречалась на выезде с клубом Свердловского автозавода.

Совсем недавно эти коллективы сражались между собой не на жизнь, а на смерть — январский поединок завершился боевой ничьей, по ходу которой чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Нет, они не оспаривали чемпионство — наоборот, боролись за сохранение прописки в Высшей лиге. Тогда свердловчане шли на предпоследнем месте, а ленинградцы замыкали таблицу.

Собственно говоря, с тех пор в их турнирном положении ничего не изменилось, они остались на тех же местах, и нынешний матч уже не

имел никакого значения. «Аврора» на весеннем отрезке турнира выступала из рук вон плохо, установила антирекорд, проиграв московским армейцам с неприличным счетом два — шестнадцать, и задолго до конца чемпионата потеряла все шансы подняться выше последнего места. К настоящему моменту разрыв составлял одиннадцать очков — неодолимая пропасть.

«Автомобилистам» тоже не имело смысла надрываться, хотя чисто теоретически они еще могли обойти шедших перед ними горьковчан и вскарабкаться на ступеньку выше. Но разницы между девятым местом и восьмым, в общем-то, не было, поэтому хозяева вышли на площадку расслабленными и отнюдь не настроенными на эпическую битву.

Быть бы матчу скучным, если б не одно обстоятельство. За Свердловск выступал нападающий Сухарев, державший на «Аврору» личную и очень крепкую обиду. На старте сезона его пригласили из столицы поиграть за Ленинград, причем прибыл он в расположение команды в статусе едва ли не союзной знаменитости. Сразу дал понять, что он здесь лучший, а остальные — мелюзга, массовка, чья роль заключается в том, чтобы создавать бледный фон, на котором его величие будет смотреться наиболее эффектно.

Но долго выпендриваться Сухареву не позволили. «Аврора» при нем и благоволившем ему тренере Силине стремительно покатила по на-

клонной, потому и оказалась в турнирном подвале. Командование Балтфлота, официального куратора клуба, церемониться не стало — и Силин, и его протеже вылетели с треском. Сухарев попытался вернуться в Москву, но там его никуда не взяли. Он ездил по стране, предлагал свои услуги и в итоге кое-как закрепился на Урале, в команде, которая совсем не соответствовала его амбициям.

Во всех своих бедах он винил «Аврору», а если конкретно, то ее нынешнего капитана Лешу Касаткина. Сухарев считал, что именно Касаткин подговорил других хоккеистов команды играть спустя рукава, чтобы избавиться от звездного партнера и чересчур строгого тренера. Это было неправдой, причем весьма оскорбительной. Когда до Касаткина дошли распускаемые Сухаревым сплетни, он вскипел и пообещал при первом же удобном случае расквитаться с клеветником. С того дня каждое их randevu на льду превращалось в бескомпромиссную дуэль.

Леша Касаткин вовсе не был злым и жестоким. Он без повода не лез в драку и терпеть не мог бессмысленной вражды. Но когда задевали его честь, на него накатывало то, что обожаемый им Джек Лондон в одном из романов назвал «багровой яростью». Мозг бурлил от ненависти, и самоконтроль — непременно качество любого спортсмена — куда-то улетучивался. Алексей в подобных ситуациях не владел собой, шел на пролом.

Зная о его контрах с Сухаревым, наставник «Авроры» Николай Петрович Клочков сказал ему перед игрой в Свердловске:

— Может, тебя не выпускать, а? Устроишь мне Ледовое побоище, гандшпуг тебе в селезенку... Мы и так у Посова на карандаше, он только повода ждет, чтобы отправить нас куда-нибудь на плоскодонке килек ловить...

Любил Николай Петрович изъясняться вычурно, с использованием моряцкой терминологии. В «Авроре» над этими словесными выкрутасами, равно как над его пиратским платком, повязанным поверх лысого черепа, и подозрительной трубой, которую он всюду таскал с собой, тихонько посмеивались. Тем не менее Клочков был фигурой уважаемой, игроки ценили его и ни за что не променяли бы ни на какого варяга, в особенности такого, как Силин.

Вице-адмирал Посов командовал Балтийским военным флотом и славился своей суровостью. Это по его приказу уволили Силина. Клочкова, с учетом плачевных итогов сезона, ждала аналогичная участь, но Посов дал слово не трогать его до окончания чемпионата. Причиной тому стало успешное выступление клуба на зимнем Кубке Шпенглера в Швейцарии, где заведомый аутсайдер неожиданно для всех взял первый приз. О международном достижении написали ведущие газеты, Посов получил личную благодарность от министра обороны, «авроровцам» ор-

ганизовали торжественный прием в Ленинградском обкоме, после чего снимать с должности главного тренера было бы некрасиво. Посов выдал Николаю Петровичу карт-бланш, но предупредил:

— Смотри у меня, Клочков... Если не удержишься в лиге, не спасут тебя ни регалии, ни трофеи. На улицу выгоню!

К февралю стало ясно, что выше десятой строчки «Авроре» не подняться. Таким образом, ей предстояло играть стыковые матчи, в них-то и должна была решиться ее судьба. Николай Петрович, понимая это, хотел сохранить настрой и боеспособность своих гладиаторов вплоть до решающих матчей. Оттого и раздумывал, выпускать ли Касаткина на лед в ничего не значащей игре.

Алексей встал на дыбы:

— Николай Петрович! Это что же — все будут пахать, а я на лавке штаны просиживать? Какой из меня тогда капитан? Нет уж, давайте выпускайте!

И добился своего, вышел на привычной позиции в первом звене. Надежное было звено, сыгранное. В нападении, помимо Алексея, еще двое молодых: Антон Масленников и Витька Шкут. Оба — бывшие дублеры, пришли, как и сам Касаткин, в основную команду из молодежки и с ходу заявили о себе. Шкут осенью числился в лучших бомбардирах, но получил серьезную

лицевую травму, три месяца восстанавливался, только весной вернулся на лед. Сейчас играл в специальной маске, из-за чего жутко стеснялся — считал, что похож в ней на клоуна. Забрасывал пока маловато, не набрал форму, но Клочков ставил его в основу, ибо каким иным способом можно вдохнуть в парня силы и веру в себя?

Пару оборонцев в первой пятерке составляли опытные Чуркин и Панченко, а на воротах стоял еще один соратник Алексея по молодежке — Женька Белоногов.

С первых минут игра пошла под диктовку ленинградцев. Пусть и не приносили им ничего потенциальные два очка за победу, однако хотелось все же под занавес чемпионата хлопнуть дверь. Чтобы знали уральцы — не мальчишки для битвы к ним пожаловали.

К середине второго периода на табло горели отрадные для гостей 1:3. Дело было даже не в счете. Давно уже «Аврора» не смотрелась так уверенно. Свердловчане проигрывали вчистую и ничего не могли с этим поделать. Да и не хотели, пожалуй. Сонно катались по площадке, на обострение не шли — словом, отбывали номер.

Один лишь Сухарев носился как угорелый — вымещал гнев на бывших партнерах. Проку от его действий было немного, к воротам ему подойти не давали, поэтому лупил он издали, бесприцельно, но всякий раз старался незаметно для арбитра толкнуть или зацепить кого-ни-

будь из ленинградцев. Главной его мишенью был, само собой, Касаткин. Алексею уже трижды досталось клюшкой по ногам и дважды по спине. Не выдержав, он отмахнулся, но, в отличие от подлого Сухаря, сделал это так неловко, что тут же сел на две минуты на скамейку штрафников, и «Аврора» в меньшинстве пропустила гол.

— Ты что творишь, скумбрия недосоленная? — зашипел на него рассерженный Николай Петрович. — Не видишь разве, что этот поганец нарочно тебя заводит? Терпи, не отвечай!

Легко сказать «не отвечай»! Не успел Касаткин выйти после штрафа, как снова схлопотал от Сухарева чувствительный тумак — аккурат меж лопаток. Охнул, развернулся, припечатал гада к борту и прохрипел в его ухмыляющуюся рожу:

— Отстань, слышишь? Наваляю!

Сухарев нагло гоготнул:

— Ты мне? Рискни здоровьем!

Судья разнял их, сделал Алексею устное предупреждение. А уже в следующем игровом эпизоде Сухарев опять сподличал, только теперь его жертвой стал Шкут. Витька в центре площадки получил шайбу от Панченко, изящно обработал ее и погнал к воротам. В своем лучшем стиле обвел двух защитников, вышел один на один и уже готовился к броску, как вдруг подскочивший сбоку Сухарев сбил его с ног. Еще не оправившийся от перелома челюсти Шкут кубарем покатился по льду.

Этого Касаткин стерпеть не мог. Ураганом налетел на треклятого Сухаря и тяжелой хоккейной перчаткой по-боксерски звезданул его в лицо.

Зал притих. Сухарев раскинул руки и рухнул навзничь.

К Касаткину подъехал судья, гаркнул свирепо:

— С ума сошел? Убьешь!

— Убьешь его, как же! — огрызнулся Касаткин. — Полежит и встанет.

Он был уверен, что Сухарев притворяется. Этот шут гороховый на любые фокусы способен.

К Алексею подъехали Чуркин и Масленников, схватили за руки, чтобы новых глупостей не наделал. Хотя он уже был спокоен, ни на кого не пер, стоял себе и смотрел на поверженного врага.

Сухарев не шевелился, лежал как мертвый. Его окружили товарищи по команде, на лед выскочили свердловские врачи, стали колдовать над ним. Совали под нос ватку с нашатырем, сделали укол, но Сухарев не подавал признаков жизни.

Касаткина прошиб холодный пот. Правда, что ли, убил? В запале не рассчитал силу удара, двинул от души... Черт бы побрал эту «багровую ярость»!

Клочков из-за бортика отчаянно сигнализировал, размахивал подозрительной трубой. Касаткин, понурившись, поехал к нему, забормотал, оправдываясь:

— Николай Петрович, я нечаянно... я не хотел...

— Вон с площадки, хек мороженный! — рявкнул на него Клочков, и тон его был чужим, непривычно злобным. — Марш в раздевалку, сиди и не высывайся!

Что тут возразишь? Алексей, рассерженный и на себя, и на весь мир, швырнул клюшку под лавку, расстегнул ремешок шлема и заковылял под трибуны.

Мимо него двое медиков пронесли так и не пришедшего в себя, страшного в своей неподвижности Сухарева.

Глава 1

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОМИССИЯ

Да выжил он, выжил. Ничего там смертельного не было. Полежал с полчаса в нокауте и очнулся. В травматологии диагностировали сотрясение, плюс два выбитых зуба. В хоккее еще не то бывает, так что, можно сказать, легко отделался.

А вот для Леши Касаткина свердловский инцидент имел самые серьезные последствия. По горячим следам состоялось разбирательство, дисциплинарная комиссия впаяла нарушителю неспортивное поведение. На заседании, больше смахивавшем на судилище, ему, словно какому-нибудь дурачку-первокласснику, объясняли, что спорт — это не война, к товарищам надо относиться с уважением, руки не распускать, ну и так далее.

— Какой он мне товарищ! — взорвался Касаткин, которого вся эта бодяга довела до белого каления. — Сволочь он!

Члены комиссии — ничего в жизни не добившиеся и вышедшие в тираж престарелые спорт-

смены — качали головами и смотрели осуждающе.

— Значит, молодой человек, вы не раскаиваетесь в содеянном?

— Нет, конечно! Он сам меня достал, это все видели, кроме судьи! Спросите!

Спрашивать не стали. Приговор, вынесенный комиссией, гласил: дисквалификация на пять ближайших матчей. Комсомольской ячейке, в которой состоял Касаткин, рекомендовалось поработать его и вынести общественное порицание, чтобы никому не повадно было следовать хулиганскому примеру.

Порицание — пес с ним, пятнадцать минут трепологии, а потом все забудется. В ячейке — свои ребята из «Авроры», им известны мотивы Лешинного поступка, никто всерьез клеймить не станет. А вот пятиматчевая дисквалификация — это катастрофа. Чемпионат на финише, впереди всего один тур, а дальше стыки, две игры — дома и на выезде. Пролетит команда — и Клочкова снимут. Заодно могут и половину игроков разогнать, это уж как новый руководитель решит.

Когда огласили вердикт комиссии, Алексею стало так совестно, как ни разу не бывало. Чего добился своей гордостью? Взял бы лучше да покаялся — глядишь, скостили бы отлучение до одного-двух матчей. А так влепили на полную катушку. И кому от этого легче стало?

Поздно бежать назад и добиваться пересмотра дела. На самом ответственном этапе «Аврора» лишилась капитана, и в этом виноват только он, Алексей Касаткин, эгоист и недоумок, каких поискать.

Так ругал он себя, сидя в однокомнатной хрущевке на Анниковом проспекте, доставшейся по наследству от покойных родителей, и втайне надеялся, что кто-нибудь придет и утешит. Но никто не приходил.

Комсомольское собрание прошло, как он и ожидал, вяло, без пламенных речей и призывов вычистить негодяя из рядов ВЛКСМ. Ограничились протокольными фразами о недопустимости насилия на спортивных аренах и разошлись. Никто виновника не осудил, но никто и не поддерживал. Алексей понимал: дуются на него из-за того, что так глупо влип. Даже Клочков не вымолвил ни слова, сидел нахохлившись как сыч и первым ушел после собрания. Алексей воспринял это как выражение презрения, и на душе сделалось еще муторнее. Петрович верил в него, знал, что Касаткин не подведет. А Касаткин нате вам — подвел. Как к нему теперь прикажете относиться?

В конце марта «Аврора» сдула последний матч регулярки рижанам и улетела в Новосибирск, где должна была состояться первая переходная игра с местной командой. Касаткин остался в Ленинграде и ощутил себя таким одиноким, всеми брошенным, что хоть волком вой.

Между тем неприятности лишь начинались.

Пасмурным апрельским днем Касаткин шел из магазина с авоськой, в которой болтались килограммовый пакет сахара, батон и банка сгущенки. Несмотря на дисквалификацию, он по-прежнему состоял при команде (согласно записи в трудовой книжке — инструктором спорткомплекса), зарплату получал исправно, и средств к существованию хватало.

Он уже подходил к дому, когда из-под арки выскочили три битюга в комковатых бесформенных куртках. Двое схватили его за руки, а третий врезал в солнечное сплетение с такой силой, что у Алексея перехватило дыхание. Хотел закричать — не получилось. В следующее мгновение он огреб еще один удар, после чего впал в беспамятство и пришел в себя в затхлом помещении с низкими потолками и без окон, связанный по рукам и ногам, со ртом, заклеенным изолентой.

Битюги стояли перед ним с электрическими фонариками в руках, в окружении какой-то рухляди, банок с огурцами и помидорами, старых лыж и холщовых мешков. Очевидно, это был подвал жилого здания, где ответственные и безответственные квартиросъемщики хранили все то добро, что не помещалось в маломерных квартирах.

— Оклемался? — спросил самый высокий из битюгов, стриженный под бобрик, с квадратной харей и мутными зенками.

Касаткин сощурился от лучей света, бивших в глаза, замычал, принялся извиваться, подобно червяку, но этим только насмешил своих похитителей. Они хором заржали, а дылда с квадратной харей достал из кармана нож-выкидуху и демонстративно повертел им перед носом беспомощного пленника.

— Привет тебе от Сухаря, —дохнул он в лицо Касаткину пивным перегаром. — Помнишь его?

Теперь все прояснилось. Эти трое — из Свердловска, прибыли рассчитаться за побитого кореша. Сухарев сам приехать побоялся, решил оставшиеся зубы поберечь, а может, по сию пору на больничной койке валяется, прислал дружков, которые, судя по манерам, та еще гопота...

Дали бы пару слов сказать! А то так и прирежут связанного, с законопаченным ртом. Алексей снова замычал, показывая, что настроен на переговоры. Однако битюги никак не отреагировали, стояли себе и похохатывали. А дылда с ножичком, будто угадав его помыслы, проскрипел:

— Ты не думай, валить мы тебя не будем. Какой толк с мертвяка? Сухарь пугнуть велел и передать, что он заяву на тебя готовит.

Касаткин удивленно вскинул брови: какую еще заяву?

— Не допер? То, что тебя по спортивной линии отымели, это хрень болотная. Ему от этого ни холодно ни жарко. У него следак знакомый

есть. Если захочет, уголовку на тебя повесит. Статья сто девятая УК РСФСР. «Умышленное телесное повреждение, вызвавшее длительное расстройство здоровья, наказывается лишением свободы на срок до трех лет». Слышишь? До трех!

Шпарит как по бумажке. Видать, Уголовный кодекс для него, как для любого бандита, — настольная книга.

«Дудки», — подумал Касаткин. Он после школы собирался поступать на юридический, поэтому законы тоже знал неплохо. Длительное расстройство здоровья Сухарю ни один нормальный врач не подтвердит.

— Думаешь, порожняк гоню? — ухмыльнулся квадратномордый и пошуршал пальцами. — А если подмаслить? При желании можно и на сто восьмую наскрести. «Умышленное тяжкое». На восемь лет загремишь. Прощай, карьера, прощай, молодость...

В одеревеневшие мышцы Касаткина начал просачиваться холод — отчасти из-за подвальной сырости, отчасти из-за страха, который мерзкой сколопендрой пролез в грудь.

Эти дуболомы не шутят. Беседа протекала мирно, почти дружелюбно, но содержание ее было воистину ужасно. Сухарев — гнида, он пойдет на что угодно ради мести. И в больнице кого надо подкупит, и в милиции... Касаткин представил себя за решеткой в КПЗ, а после — в ватни-

ке и брезентовых рукавицах на лесоповале под Магаданом. Бр-р-р!

Битюг уловил его напряжение, рассмеялся и ножик убрал. Хотя лучше б зарезал, право слово.

— Расслабься! Сухарь передал, что если заплатишь, он все на тормозах спустит. Не пошлют тебя в тайгу задницу морозить.

Наконец-то выложили все карты. Сухареву просто-напросто денег захотелось. Очень на него похоже: вроде как и за побои наказал, и прибыль получил.

— Короче, две тонны с тебя, — подытожил квадратномордый. — Башляешь — и летишь на крыльях мечты в светлое будущее. Не башляешь — садишься за решетку.

Две тысячи? Касаткин пожал плечами: мол, нет у меня таких деньжищ и сроду не было. Даже если все имущество продать, включая последнюю застиранную футболку, и то не наберется.

— А ты подумай, подумай! Поищи! — подмигнул ему гопник совсем по-приятельски. — А мы пока тоже поищем... — И кивнул своим на выход: — Ша!

Битюги погасили фонарики и удалились, оставив спеленатого Касаткина в подвале. Целый час он ерзал, перекатывался с боку на бок, силясь освободиться. Вызволила его тетка во фланелевом халате, пришедшая не то за компотом, не то за вареньем. Она сунулась в подвальнойю мглу,